

Новѣйшее изслѣдованіе о Платонѣ.

Источники о Софистахъ. Платонъ какъ исторический свидѣтель. Опытъ историко-философской критики А. Н. Гилярова. I. Методология и свидѣтельства о философахъ. Киевъ 1891, 358 стр.

„Божественный“ Платонъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ геніямъ, труды которыхъ никогда не старѣютъ и всегда сохраняютъ свою свѣжестъ. Это свойство можетъ быть понимаемо съ двухъ сторонъ: по отношенію къ каждому отдельному человѣку, который захотѣлъ бы основательно изучить философскую систему Платона, и по отношенію къ цѣлому человѣчеству. Въ первомъ отношеніи необходимо знакомиться съ Платономъ изъ его собственныхъ сочиненій въ подлинникѣ или въ хорошемъ переводе: глубина, разносторонность и оригинальность его философскихъ воззрѣній не допускаютъ полнаго изученія ихъ изъ вторыхъ рукъ, т. е. при посредствѣ одного изложенія или истолкованія ихъ. Но однако прямое изученіе Платона не только не исключаетъ помощи со стороны его ученыхъ истолкователей, но даже можетъ быть сдѣлано только подъ ихъ руководствомъ. Одно знаніе греческаго языка еще не достаточно для пониманія сочиненій Платона; необходимо специальное знаніе греческаго философскаго языка и кромѣ того знаніе исторіи того времени, въ которое жилъ Платонъ, и специально исторіи Аѳинъ съ ихъ законами, нравами, обычаями и проч. Тогда и откроется передъ читающимъ сочиненія Платона не только глубина и сила его философскаго міросозерцанія, но и яркая жизненность лицъ, драматически выводимыхъ имъ въ его диалогахъ, ихъ рѣчей, движеньй, а также мѣткость и образность самаго ихъ языка. Къ этому присоединяется еще и та сторона поучительности сочиненій Платона, что онъ пріучаетъ своего читателя къ энергиче-

скому мышленію и изощряетъ его умъ, потому что далеко не всегда высказываетъ свою мысль въ явной и опредѣленной формѣ, а часто ограничивается только легкимъ намекомъ на нее, такъ что мы должны до извѣстной степени дополнить и точнѣе формулировать ее для себя сами.

Но труды Платона всегда новы и свѣжи еще и въ другомъ отношеніи. Хотя человѣчество въ лицѣ своихъ трудолюбивыхъ ученыхъ болѣе 2000 лѣтъ разбирало, изучало и толковало его сочиненія, все-таки они представляютъ, выражаясь фигурально, такъ далеко простирающуюся въ глубь руду философскихъ воззрѣній и понятій, что она и до сихъ поръ еще не можетъ считаться вполнѣ разработанной и исчерпанной. Внимательное изученіе сочиненій Платона остроумными и знающими людьми и теперь приводитъ ихъ къ открытію не только новыхъ сторонъ и оттѣнковъ въ понятіяхъ его системы, но даже совершенно новыхъ точекъ зрѣнія на всю ея сущность и значеніе. Въ послѣднее время, напр., мы встрѣчаемся съ такою новою точкою зрѣнія у одного изъ замѣчательнѣйшихъ, по-моему, представителей современной философской науки, недавно и, къ сожалѣнію, преждевременно умершаго профессора дерптскаго университета, Тейхмюллера. Его новый взглядъ на то, что Платонъ никогда дѣйствительно не училъ *) о бессмертіи индивидуальной души и излагалъ это ученіе только въ миѳахъ, годныхъ для нравственно-религіознаго назиданія толпы, не способной понимать философскія идеи, ведетъ къ значительному преобразованію выработанныхъ до сихъ поръ учеными воззрѣній на сущность философской системы Платона.

Обращаясь теперь къ книгѣ А. Н. Гилярова, которая послу-

*) Что касается до автора этой статьи, то я въ 1880 году совершенно случайно наткнулся на одно изъ сочиненій Тейхмюллера: „Die Platonische Frage“ etc. Находясь подъ вліяніемъ Целлера и другихъ толкователей философіи Платона, я, хотя и былъ пораженъ оригинальностью взгляда Тейхмюллера, но все-таки счелъ его искусственнымъ, что и высказано было мною въ примѣчаніяхъ совершенно готоваго и уже печатавшагося тогда моего сочиненія: „О методѣ и направленіи философіи Платона“, Кіевъ, 1880. Но позже, по немногу познакомившись со всѣми изслѣдованіями Тейхмюллера по древней философіи и вообще съ его оригиналными и глубокими философскими воззрѣніями, я мало-по-малу убѣдился въ томъ, что въ существенномъ его истолкованіе философіи Платона вѣриѣ, чѣмъ у другихъ изслѣдователей и особенно пользующагося въ этой области большимъ авторитетомъ Целлера.

жила мнѣ поводомъ высказаться сейчасъ о бессмертной юности твореній Платона, я прежде всего скажу, что книга эта есть продолженіе сочиненія того же автора, вышедшаго въ 1888 году и относящагося къ тому же предмету, къ какому и настоящее, т. е. къ „греческимъ софистамъ“ *). Въ этомъ первомъ сочиненіи почтенный авторъ рассматриваетъ софистовъ, какъ историческое явленіе „въ связи съ политической и культурной исторіей Греціи“, и рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи ихъ дѣятельности изъ общихъ условій исторической жизни Греціи и Аѳинъ, какъ-то: религіи, законовъ, нравовъ, обычаевъ и т. под. Въ сочиненіи же, которое составляетъ предметъ настоящей статьи, г. Гиляровъ, съ чрезвычайною полнотою и обстоятельностью, изслѣдуетъ вопросъ объ источникахъ для предполагаемаго имъ по томъ систематического труда о софистахъ, какъ представляяихъ одного изъ философскихъ направленій. Но однако эта объемистая книга заключаетъ только первую, менышу половину сочиненія г. Гилярова: „Объ источникахъ о софистахъ“. Въ этой книгѣ разсматривается только Платонъ, какъ современный софистъ историческій свидѣтель; или, выражаясь точнѣе, въ ней авторъ рѣшаетъ болѣе общій вопросъ о достовѣрности и правдивости историческихъ показаній Платона и, следовательно, о благонадежности знаній, основанныхъ на его свидѣтельствѣ. Самые же эти его показанія, а также показанія о софистахъ другихъ свидѣтелей, кроме Платона, будутъ заключаться уже во 2-й части, имѣющей въ непродолжительномъ времени появиться вслѣдъ за этой книгой г. Гилярова.

Вотъ краткое содержаніе и этой первой, и второй будущей части, выраженное словами самого автора: „Все излѣдованіе распадается на десять главъ. Въ первой я излагаю исторію вопроса и изъ критического обзора различныхъ мнѣній о свидѣтельствахъ Платона вывожу задачи излѣдованія. Во второй устанавливаю почву для критики въ вопросѣ о подлинности Платоновыхъ діалоговъ. Въ третьей изъ основаній философскаго міровоззрѣнія Платона опредѣляю цѣль и свойства его литературной дѣятельности. Въ четвертой провѣряю добытыя результаты анализомъ свидѣтельствъ о философахъ. Пятая

*) Вотъ полное заглавіе того сочиненія: „Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общей политической и культурной исторіей Греціи. Москва 1888.

глава должна содержать анализъ свидѣтельствъ о поэтахъ, шестая—о риторахъ, седьмая—о политикахъ, восьмая—о софистахъ. Въ девятой я изложу причины господствующаго взгляда на значеніе Платона, какъ историческаго свидѣтеля. Наконецъ, десятая будетъ содержать критический анализъ свидѣтельствъ о софистахъ всѣхъ остальныхъ древнихъ писателей помимо Платона” (стр. II). Значитъ, въ настоящей книгѣ мы имѣемъ только 4 главы цѣлаго сочиненія, остальная 6 появятся во второй части.

Не имѣя возможности въ библіографической статьѣ войти въ подробности содержанія книги г. Гилярова и сдѣлать обстоятельный разборъ ея, я ограничусь только выраженіемъ своего мнѣнія объ ея особенностяхъ, достоинствахъ и нѣкоторыхъ замѣченныхъ мною недостаткахъ. Прежде всего я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ *объ общемъ характерѣ и тонѣ* настоящаго сочиненія, которое, по-моему, отличается отъ прежнихъ извѣстныхъ мнѣ трудовъ г. Гилярова тѣмъ, что въ немъ не чувствуется отрицательного отношенія автора къ научному значенію философіи. Я уже не говорю о двухъ первыхъ сочиненіяхъ А. Н. Гилярова („Платонизмъ и проч.“ Москва 1887 и „Значеніе философіи“ Кіевъ 1888), глѣ онъ философію явно не причисляетъ къ наукѣ и отводить ей какъ бы среднее мѣсто между наукой, поэзіей и, пожалуй, религіей. Но то же направление, хотя и въ меньшей степени, проглядываетъ и въ вышеуказанной книгѣ: „О греческихъ софистахъ“.

Такъ какъ отрицательное отношеніе къ научному значенію философіи составляетъ принадлежность тѣхъ философскихъ направленій, которые носятъ названіе скептицизма, сенсуализма и позитивизма, *) то склонность къ этимъ направленіямъ въ большей или менѣй степени обнаруживается во всѣхъ прежнихъ сочиненіяхъ почтеннаго автора. Только въ послѣднѣмъ не замѣтно этой склонности, а, напротивъ, видно, что г. Гиляровъ твер-

*) Читателямъ, которымъ показалось бы страннымъ, какъ возможно, что философія же относится отрицательно къ научному значенію философіи, я скажу, что отрицать философію, какъ науку, нѣтъ возможности съ точки зрењія какой-либо другой науки, а потому отрицающій философію непремѣнно самъ философствуетъ и eo ipso уже утверждаетъ ее. Иначе говоря, философскія направленія, отрицающія философію, противорѣчатъ себѣ и уничтожаютъ себя сами. См. обѣ этомъ подробнѣе въ моихъ сочиненіяхъ, напр., въ „Очеркахъ“ и „Своемъ Словѣ“.

до вступилъ на путь того философскаго направлениѧ, которое называется метафизическімъ. Чтобы убѣдиться въ этой разницѣ, достаточно сравнить характеристику и оценку авторомъ нѣкоторыхъ лицъ и ученій, о которыхъ онъ говоритъ и въ прежнихъ сочиненіяхъ, и въ этомъ. Возьмемъ, напр., въ видѣ образчика, отношеніе г. Гилярова къ Льюису. И въ прежнемъ сочиненіи („Греческие софисты“, стр. 3), и въ этомъ ему, по обстоятельствамъ дѣла, пришлось сказать о томъ, что въ Англіи на защиту софистовъ прежде другихъ писателей выступилъ столь извѣстный у насъ Льюисъ, который упрекаетъ Платона, что онъ, по несогласію съ софистами въ философскихъ воззрѣніяхъ, былъ завѣдомо несправедливъ къ нимъ, умышленно изображалъ ихъ въ карикатурномъ видѣ и обвинялъ ихъ учение не только въ нелѣпостяхъ, но и въ безнравственности. Но въ прежнемъ сочиненіи г. Гиляровъ, излагая это мнѣніе Льюиса о Платонѣ, ничего не прибавляетъ отъ себя на счетъ его справедливости или несправедливости. Въ этомъ же сочиненіи онъ прибавляетъ, что „поверхностность Льюиса въ его исторіи философіи слишкомъ хорошо извѣстна. Даже при небольшомъ знакомствѣ съ Платономъ нельзя изъ чтенія въ этой исторіи главы о софистахъ не убѣдиться, что Льюисъ либо вовсе не читалъ Платона, либо намѣренно говорить неправду изъ любви къ сроднымъ ему духу софистамъ“ („Источники“, стр. 9 и 29). Само собою разумѣется, что такою прибавкою г. Гиляровъ явно выдаетъ читателю Льюиса головою, на что, конечно, онъ не рѣшился бы, если бы еще оставался солидарнымъ съ сенсуализмомъ или позитивизмомъ.

Что же касается до присоединенія г. Гилярова къ метафизическому направлению философіи, то оно главнымъ образомъ отражается въ полномъ сочувствіи и солидарности его съ философіей Платона, къ которой такъ или иначе несомнѣнно примыкали и примыкаютъ всѣ метафизическія системы и древности, и нового времени. Это сочувствіе видно изъ многочисленныхъ случаевъ, гдѣ г. Гиляровъ *оправдываетъ и отстаиваетъ* основные положенія и принципы Платона. Укажу на нѣсколько примѣровъ. Вмѣстѣ съ Платономъ, напр., авторъ раздѣляетъ воззрѣніе, что *не чувства, а разумъ* есть единственный источникъ философіи и знанія. Сравнивая двухъ великихъ представителей философской мысли въ древности, г. Гиляровъ (и, по - моему, вполнѣ

справедливо) отдаетъ преимущество Платону передъ Аристотелемъ какъ въ спекулятивной силѣ мысли, такъ даже и въ большей справедливости и осторожности Платона при разборѣ и оцѣнкѣ другихъ философовъ Греціи. Далѣе, указывая на принципъ „объективной цѣлесообразности“ въ мірѣ, проводимый и защищаемый Платономъ въ цѣлой его системѣ, г. Гиляровъ не только не оспариваетъ этого принципа, какъ это обыкновенно дѣлаютъ материалисты, скептики, сенсуалисты и позитивисты, но вполнѣ оправдываетъ Платона и съ своей стороны энергически подкрѣпляетъ этотъ принципъ (см. стр. 207 и слѣд.). Но однако это сочувственное и даже не чуждо энтузіазма отношеніе г. Гилярова къ Платону вовсе не есть дѣло его личнаго влеченія или настроенія, а имѣеть подъ собою твердыя логическія основанія. Свои мнѣнія о добросовѣтности Платона, какъ историческаго свидѣтеля, о силѣ его философскаго генія, о великомъ историческомъ значеніи и громадномъ вліяніи его философіи во всѣ времена, начиная съ древности и до нашего времени, г. Гиляровъ утверждаетъ на солидныхъ основаніяхъ.

Сводя воедино всѣ частные выводы, сдѣланные имъ на стр. 72—81, относительно „цѣли и основныхъ свойствъ литературной дѣятельности“ Платона, авторъ говоритъ: „всѣ эти частные выводы уполномочиваютъ относительно характера Платона, какъ историческаго свидѣтеля, къ одному общему заключенію, что Платонъ сознательно не могъ извращать истину ни по одному изъ приписываемыхъ ему древними и новыми критиками побужденій, ни по основаніямъ своего философскаго метода, ни по взглядамъ на отношеніе философа къ современной общественной жизни, ни по усвоеннымъ имъ эстетическимъ правиламъ, но что, наоборотъ, какъ его теоретическія, такъ равно практическія и эстетическія воззрѣнія ручаются за вѣрность его свидѣтельствъ истинѣ въ основныхъ, главныхъ, знаменательныхъ, словомъ, существенныхъ чертахъ“. Эти слова почтеннаго автора основаны, во·первыхъ, на тщательномъ критическомъ разборѣ и опроверженіи противниковъ Платона, древнихъ и новыхъ, во·вторыхъ, на убѣдительномъ доказательствѣ, что сознательное извращеніе чужихъ мнѣній и клевета на современниковъ, которыхъ Платонъ касается въ своихъ діалогахъ, стояла бы въ полномъ противорѣчіи не только съ его личнымъ характеромъ и философскими убѣждѣніями, но даже и съ методомъ, котораго,

по мнѣнію Платона, ему должно было держаться для убѣжденія другихъ въ истинѣ своихъ философскихъ возврѣній. Но, не ограничиваясь этимъ опроверженіемъ противниковъ Платона, г. Гиляровъ устраниетъ всякую тѣнь сомнѣнія въ его правдивости указаніемъ на мотивы, побуждавшіе ихъ обвинять его въ несправедливости и даже личной злобѣ и зависти. Мотивы эти, по автору, состояли отчасти въ крайней противоположности философскихъ точекъ зрења, на которыхъ стояли обвинители Платона, отчасти же въ ихъ непониманіи тѣхъ свойствъ его литературного и философского генія, которая всего лучше выражаются понятіемъ *юмора*. Не злоба и презрѣніе, и не мелкая месть побуждали Платона выставлять въ смѣшномъ видѣ мнѣнія и теоріи оспариваемыхъ имъ лицъ, а съ одной стороны его художественный геній, обладая которымъ въ высокой степени, онъ творчески воспроизводилъ типическія стороны представителей враждебныхъ ему философскихъ возврѣній, а съ другой, то обстоятельство, что, постоянно вращаясь духомъ въ идеальномъ мірѣ истины, блага и красоты, Платонъ естественно долженъ былъ смѣхомъ и ироніей отдѣльваться отъ низменнаго, нелѣпаго и пошлого, что въ нашей повседневной дѣйствительности ежеминутно и неизбѣжно противодѣйствуетъ нашимъ идеальнымъ стремленіямъ и нарушаетъ ихъ.

Какъ въ защитѣ Платона отъ противниковъ, такъ и въ поддержкѣ его философскихъ возврѣній А. Н. Гиляровъ опирается на свою обширную и разностороннюю эрудицію, которая составляетъ одно изъ важныхъ качествъ, отличающихъ его, какъ представителя науки. Ужъ я не говорю объ образцовомъ знакомствѣ съ Платономъ, которое ярко выступаетъ и въ прежнихъ сочиненіяхъ автора и особенно въ этомъ, но не можетъ подлежать сомнѣнію также и его знаніе древней греческой философіи, а также знакомство съ многочисленными изслѣдованіями современныхъ европейскихъ ученыхъ по исторіи древней философіи. Въ этомъ отношеніи г. Гилярову известно и принято имъ во вниманіе даже то, что появилось, такъ сказать, вчера или сегодня *).

На почвѣ этой эрудиціи г. Гиляровъ весьма убѣдительно уста-

*.) Такъ, напр., въ богатыхъ примѣчаніяхъ автора можно встрѣтить многочисленныя ссылки на разныя статьи, относящіяся къ изслѣдуемому имъ предмету и помѣщенные въ разныхъ книжкахъ нового журнала по исторіи философіи: «Archiv für Geschichte der Philosophie».

навливаєтъ положеніе, что «ученіе Платона есть созданный его геніальною оригинальностью синтезъ изъ всѣхъ извѣстныхъ ему ученій, и что въ области философской мысли законъ постепеннаго развитія нигдѣ не сказался съ такой наглядностью, какъ въ философіи Платона». Хотя «провести рѣзкую границу между тѣмъ, что принадлежитъ Платону и что—предшествующимъ ему философамъ, невозможно» (146—147), но тѣмъ не менѣе въ сочиненіи г. Гилярова читатель найдетъ довольно ясное указаніе, въ чёмъ и какъ вліяли на Платона Сократъ, пиѳагорейцы, элейцы, Гераклитъ и его школа, Анаксагоръ и проч., и какъ ихъ философія послужила базисомъ, на которомъ Платонъ, сочетавши эти чужіе элементы въ одно цѣлое, построилъ свое собственное философское міросозерцаніе.

Не менѣе богатыми знаніями обладаетъ почтенный авторъ и въ новой философіи и пользуется ими для *сравненія и доказательства*, что философскія проблемы, надъ которыми задумывались и Платонъ въ 4-мъ вѣкѣ до Р. Х., и многіе представители новой и современной науки и философіи, тождественны и по содержанию, и по методу ихъ разрѣшенія. Но говоря о знаніяхъ, обнаруживаемыхъ авторомъ, я долженъ еще отдать справедливость и умственной *силѣ*, съ которой онъ умѣеть справляться съ не малыми діалектическими затрудненіями, которыми такъ богаты сочиненія Платона. Поэтому въ книгѣ г. Гилярова мы находимъ ясныя и удовлетворительные истолкованія многихъ темныхъ и трудныхъ пунктовъ философіи Платона, разсѣянныхъ въ разныхъ его сочиненіяхъ. Таковы, напр., объясненіе ученія Платона о матеріи и мірообразованіи (въ діалогахъ: Філебъ и Тимей), или изложеніе и истолкованіе критики Платона, касающейся ученія элейцевъ о «единомъ бытіи» (въ діалогахъ: Софистъ и Парменидъ), или объясненіе критики Платона на философію всеобщаго потока (абсолютнаго быванія, перемѣны) гераклитянъ (въ діалогахъ: Іоеетъ и Кратиль), или наконецъ превосходное истолкованіе діалектики, т. е. соединенія и отношенія понятій: бытія, движенія, покоя, тождественнаго и иного (въ діалогѣ: Софистъ). Всѣ эти и другія объясненія г. Гилярова освѣщаются имъ посредствомъ сближенія различныхъ пунктовъ философіи Платона съ соответствующими имъ ученіями или понятіями новой философіи, напр. Джордано Бруно, Лейбница, Канта, Шеллинга, Гегеля и друг.

Но всего ярче обнаруживается богатая эрудиція А. Н. Гилярова въ вышеупомянутой, развиваемой на 80 страницахъ (207—285), характеристицѣ *объективной цѣлесообразности*, при чмъ онъ сближаетъ и сопоставляетъ этотъ основной принципъ философіи Платона съ идеями и понятіями современной науки и философіи. Г. Гиляровъ показываетъ, что этотъ принципъ, вокругъ котораго соединяются всѣ элементы философіи Платона, состоитъ въ томъ, что все многоразличіе мірового бытія имѣетъ своею цѣлью полноту истины, красоты и блага. Всѣ существа—каждое на сколько оно къ тому способно—стремятся къ осуществленію этихъ идеаловъ, ибо въ этомъ осуществленіи и состоитъ ихъ счастіе. Вмѣстѣ съ Платономъ раздѣляетъ и поддерживаетъ г. Гиляровъ убѣжденіе, что эти идеалы суть дѣйствительность, имѣющая свое основаніе въ верховномъ міровомъ разумѣ, и что она познается людьми въ идеяхъ, и по скольку познается, по стольку и осуществляется ими въ жизни. Но такъ какъ этому убѣжденію противорѣчить все еще преобладающая въ настоящее время *механическая теорія* міра, то авторъ и предпринимаетъ цѣлое изслѣдованіе, въ которомъ критически сопоставляетъ принципы механизма съ принципами противоположной ему *телеологии*. Разбирая механическую теорію, какъ она выражена у замѣчательнѣйшихъ ея представителей, каковы, напр., Спенсеръ, Файскъ (Fiske), Винеръ, Ланге, Лапласть, Геккель и друг., авторъ доказываетъ, что «ни закономѣрность, ни существованіе формъ, ни жизнь, ни сознаніе» никакъ не объяснены этою теоріею. Всѣ механическія объясненія, по автору, въ сущности сводятся на удачную случайность, сами себѣ противорѣчать и, въ лучшемъ случаѣ, опираются на понятія, тихомолкомъ и безсознательно заимствованныя изъ той же отрицаемой и оспариваемой телеологии. Что же касается до возраженій mechanistovъ противъ телеологии (каково, напр., возраженіе, основанное на существованіи зла), то, оспаривая ихъ *односторонность* и логическую несостоятельность, г. Гиляровъ указываетъ, что всестороннее разсматриваніе мірового бытія въ его цѣломъ ведеть къ полному убѣжденію, что міровой процессъ руководится разумомъ, направляющимъ все существующее по пути безконечнаго прогресса. При сравненіи механическаго и телеологического міросозерцанія авторъ, въ подкрѣпленіе ученія Платона, дѣлаетъ указанія на родственные съ нимъ воззрѣнія другихъ философовъ, на вѣрованія высшихъ ре-

лигій и даже на идеальные образы и мечты поэзіи. Въ заключеніе всего вышесказаннаго я сдѣлаю изъ книги г. Гилярова выписку, которая, съ одной стороны, можетъ служить итогомъ всего изслѣдованія о принципѣ объективной цѣлесообразности, съ другой—краткимъ выраженіемъ общаго отношенія автора къ Платону.

«Связь между разумомъ и міромъ,—говорить г. Гиляровъ,—выяснилъ Платонъ. Богъ—живое Существо, обнимающее своимъ разумомъ идеи, цѣли или законы всего того, что происходит въ изначальномъ *иномъ* его природы—вѣчно подвижной «матери или кормилицѣ происхожденія» (т. е. матери). Въ божественныхъ идеяхъ мы живемъ, и движемся, и существуемъ. Этимъ учениемъ была намѣчена цѣльная и полная истина. Безъ признанія двухъ объединенныхъ въ высшемъ основаніи началъ, какъ уже было объяснено, невозможно логически-состоятельное міропониманіе. А разумное начало въ Платоновой космогоніи удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ нашей духовной природы. Какъ единое во многомъ, идеи отвѣчаютъ необходимому стремленію нашего разума къ единству; какъ безусловно прекрасныя и благія, онѣ соответствуютъ нашимъ эстетическому и нравственному чувствамъ. Платонова идеология такимъ образомъ охватываетъ душу со всѣхъ сторонъ и вполнѣ».

«Оттого духъ Платона царитъ надъ всей послѣдующей исторіей умственного развитія. Отживавшее язычество отстаивало себѣ передъ побѣдоносной силой христіанства доводами Платоновой философіи. Въ свою очередь и христіанскіе вѣроучители основывали свои доказательства на почвѣ этой философіи. На нее же опирались гностики, старавшіеся объединить язычество съ христіанствомъ. Наполнявшая средніе вѣка борьба между реализмомъ и номинализмомъ возникла на почвѣ платонизма. Въ новой философіи нѣть ни одной глубокомысленной системы, которая бы не примыкала къ Платону прямо или косвенно. Самое глубокое изъ нравственныхъ учений—Кантово—отзвукъ Платоновой этики. Господствующая въ настоящее время эстетика—платоническая. Даже грезы любви, которыми туманятся дни юности, связаны съ именемъ Платона» (стр. 283).

Наконецъ я считаю нужнымъ упомянуть еще объ одной страницѣ труда г. Гилярова, а именно объ его очень хорошемъ русскомъ *переводѣ* многихъ и при томъ наиболѣе важныхъ, по содер-

жанію, мѣстъ изъ сочиненій Платона. Переводъ этотъ отличается не только вѣрностью и правильностью, но даже изяществомъ, несмотря на большую трудность передачи языка Платона на русской. Пусть, напр., читатель сравнить этотъ переводъ съ хотя и вѣрнымъ, но топорнымъ переводомъ Карпова, и тогда онъ убѣдится, что даже и съ этой стороны трудъ г. Гилярова составляетъ почтенный вкладъ въ русскую философскую литературу.

Хотя въ силу сочувствія, возбуждаемаго во мнѣ вышеозначенными достоинствами труда А. Н. Гилярова, я и неохотно перехожу къ указанію его недостатковъ, но все-таки сдѣлаю это, повинуясь чувству справедливости. Наиболѣе важный недостатокъ сочиненія г. Гилярова я вижу въ отсутствіи точно и ясно сознанной цѣли его труда, что и отражается, по-моему, въ невыработанности его плана, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ.

Задача цѣлаго ученаго предпріятія г. Гилярова заключается въ изложеніи, разборѣ и оцѣнкѣ философскаго міровоззрѣнія греческихъ софистовъ, но, не смотря на то, что мы имѣемъ уже двѣ почтенныхъ размѣровъ книги, представляющія результатъ этого предпріятія, все-таки до сихъ поръ авторъ не далъ намъ можно сказать, ни одной строки, прямо и строго относящейся къ вышеуказанной задачѣ, т. е. къ систематическому изложенію и формулировкѣ міросозерцанія софистовъ. Въ первой книгѣ говорится о нихъ только по поводу связи ихъ дѣятельности и ученія съ «политической и культурною исторіей Греціи» и особенно Аѳинъ. Во второй же, составляющей предметъ настоящей статьи, о софистахъ упоминается тоже только косвенно, когда авторъ разбираетъ мнѣнія различныхъ ученыхъ, упрекавшихъ Платона въ недобросовѣстности по отношению къ софистамъ. Но я не вижу ничего невозможнаго, что даже и въ третьей книгѣ, которая обѣщана авторомъ вслѣдъ за этой, все-таки мы еще не узнаемъ его окончательнаго сужденія о міросозерцаніи софистовъ, потому что въ вышевыписанномъ содержаніи этой слѣдующей книги въ 8-й главѣ будутъ заключаться свидѣтельства Платона о софистахъ, а въ 10-й—свидѣтельства о нихъ другихъ древнихъ писателей, что, конечно, вовсе не равняется окончательному взгляду на нихъ самого автора.

Но если мы и допустимъ, что въ этой третьей книгѣ будетъ исчерпано все, что авторъ имѣеть сказать о греческихъ софи-

стахъ, то все-таки весьма возможно, а, по-моему, даже необходимо, что когда онъ будетъ окончательно опредѣлять общиі характеръ міросозерцанія софистовъ, то увидитъ, что корни этого міросозерцанія, проявляющагося въ исторіи философской мысли въ разныя времена, въ разныхъ странахъ (напр. въ Индії), при самыхъ разнообразныхъ историческихъ обстоятельствахъ (религіозныхъ, политическихъ, культурныхъ и проч.), и подъ разными именами (напр. скептицизма, сенсуализма, позитивизма и даже материализма на сенсуалистической подкладкѣ), скрываются *слишкомъ глубоко* въ природѣ человѣческаго существа и человѣческаго разума, чтобы появление его въ жизни какого-либо народа могло быть объясняемо только одними частными условіями политической или общественной его жизни, какъ это сдѣлано въ первой книгѣ автора, хотя эти условія и способствовали тому, что софистическое міровоззрѣніе появилось въ Греціи и особенно Аѳинахъ въ весьма яркой формѣ и затронуло глубже лежащіе слои народа. Въ такомъ случаѣ, думается мнѣ, авторъ замѣтить, что первая часть его сочиненія представляетъ нѣчто преждевременное и недостаточное *), потому что ея узкій базисъ для объясненія софистического міровоззрѣнія никакъ не можетъ совмѣститься съ тѣмъ, болѣе широкимъ, который требуется для этого объясненія, если принять въ соображеніе самыя основныя свойства природы человѣческаго существа и разума. Мнѣ кажется, что естественнѣе было бы, еслибы г. Гиляровъ началъ все свое изслѣдованіе какъ разъ съ этой настоящей части, а потомъ уже, сдѣлавши характеристику философскаго міросозерцанія софистовъ, и перешелъ бы къ общимъ и частнымъ причинамъ его возникновенія въ Греціи.

Что касается до настоящей книги, то въ ней вышеозначенная невыработанность плана отражается, по-моему, въ соединеніи

---

*) Оцѣнка этой первой части не входитъ въ задачу моей настоящей статьи, а потому я позволю себѣ только сказать, что я поспорилъ бы съ почтеннымъ авторомъ по поводу многихъ пунктовъ ея. Такъ, напр., я не могъ бы согласиться, что будто бы философія, какъ и вся духовная жизнь греческаго народа, зависѣла отъ формы политической жизни. Точно такъ же я не согласился бы съ мнѣніями: что демократія неизбѣжно всегда должна вырождаться въ охлократію или въ деспотизмъ, что во всѣхъ формахъ греческой жизни одновременно объективизмъ замѣнился субъективизмомъ; наконецъ, я поспорилъ бы съ авторомъ и о самыхъ его определеніяхъ понятій объективизма и субъективизма и т. под.

двухъ различныхъ темъ: одной о добросовѣтности Платона, какъ исторического свидѣтеля, и другой—о характерѣ философской системы Платона, ея значеніи и истинѣ. Эта вторая тема постепенно и, вѣроятно, безъ яснаго сознанія о томъ автора, присоединялась къ первой и даже совершенно заслонила ее собою. Поэтому, по крайней мѣрѣ, половина содержанія настоящей книги могла бы быть исключена изъ нея безъ всякаго вреда для тезиса о справедливости Платона, какъ исторического свидѣтеля. Я вовсе не хочу этимъ сказать, что эта половина сама по себѣ не имѣть цѣны, и что мы не должны сказать спасибо за нее почтенному автору, но все-таки она, относительно задачи цѣлаго сочиненія, есть излишняя роскошь. Въ доказательство этой мысли можно было бы привести нѣсколько примѣровъ, но я ограничусь указаниемъ только на уже извѣстное читателю изслѣдованіе объ объективной цѣлесообразности. Очевидно, что Платонъ могъ бы быть одинаково добросовѣтнымъ историческимъ свидѣтелемъ о софистахъ, если бы онъ не стоялъ на точкѣ зрѣніяteleologической мировоззрѣнія, и напротивъ сочувствовалъ механической теоріи. Для всякаго внимательного читателя книги г. Гилярова, какъ бы онъ ни сочувствовалъ его разсужденіямъ о логической состоятельности teleologіи Платона, не можетъ подлежать сомнѣнію, что эти разсужденія имѣютъ только чисто вѣшнюю связь съ основною темою, разрабатываемою въ книгѣ.

Указавъ на наиболѣе важный, по-моему, недостатокъ труда г. Гилярова, я позволю себѣ еще сдѣлать ему упрекъ за его, по-моему, странное отношение къ одному изъ современныхъ изслѣдователей по древней философіи, а именно къ вышеупомянутому Тейхмюллеру. Во многихъ мѣстахъ почтенный авторъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ Тейхмюллера, относится къ нему съ замѣтною ироніей (напр., стр. 14 и слѣд., стр. 98 и друг.). Между тѣмъ несогласіе его съ Тейхмюллеромъ вовсе не подкрѣпляется какими-либо вѣскими и рѣшительными опроверженіями мнѣній этого ученаго, потому что въ тѣхъ специальныхъ и вообще, по своей сущности, не допускающихъ никакого точнаго рѣшенія вопросахъ, въ которыхъ г. Гиляровъ расходится съ Тейхмюллеромъ, такое опроверженіе даже едва-ли и возможно. Слѣдуетъ, ироническое отношение его къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ представителей философіи вовсе не имѣетъ подъ собою твердой почвы. Оно тѣмъ болѣе мнѣ ка-

жется страннымъ, что не мало пунктовъ, относящихся къ философіи Платона, въ которыхъ возврѣнія и взгляды А. Н. Гилярова сходны съ возврѣніями Тейхмюллера.

Въ заключеніе моей статьи я позволю себѣ принести А. Н. Гилярову искреннюю благодарность за пользу и удовольствіе, которое я вынесъ изъ чтенія его почтенного труда, и рекомендовать всякому, изучающему древнюю философію и въ особенности философію Платона, этотъ трудъ, какъ весьма солидное пособіе и надежное руководство въ дѣлѣ этого изученія.

А. Козловъ.
